Детская музыка взрослеет. Или наоборот? «Взрослая музыка научилась говорить с детьми на своем языке, часто очень непросто, доступном не каждому взрослому? И это не только в музыке. Искусство переживает «взрыв» интересов к детскому миру.

Передо мной превосходно изданная книжка «пересказов, подражаний, переводов с английского» В. Левина. Книжка называется «Глупая лошадь», и, пожалуй, добрая половина впечатлений от этой книжки возникает благодаря работе ху-

например, по новеллам О. Генри, где вполне невинное по тону повествование никак не предполагает «мины замедленного действия», взрывающейся в последнем абзаце или фразе. Эффект концовки - сюрприза подхвачен и использован Б. Гецелевым почти во всех песенках, — использован изящно, непринужденно, по-настоящему театрально: «немая сцена» под занавес. Это один из многих изобретательных приемов театра, действующих

ных, но и противопоставленных друг другу.

Кантата «Про медведей» написана композитором в 1975 году. Три части этой маленькой кантаты — три шага от простого к сложному, три ступеньки подрастания, постижения житейских премудростей, преодоления шуточных препятствий. Первая часть — школьная в самом непосредственном смысле слова: она называется «Урок вежливости» (сл. С. Маршак). Музыка этой части обаятельно простодушна, но не без иронических затей («ехали медведи на велосипеде» совсем не туда, куда они ехали у К. Чуковского: оказывается, дело было в цирке: «Поглядите — два медведя в чепчиках и платьицах на одном велосипеде по арене катятся!» (М. Алечкович). Весь текст — на таких сюрпризах. А что же в музыке?

И в музыке тоже есть сюрпризы. Но цель их, в отличие от неожиданных поворотов текста, совсем иная: скачкообразный, в каком-то смысле «авантюрный» сюжет сглаживает, свести дорожные происшествия к минимуму, «не угрожающему жизни», то есть цельности. В номере четыре эпизода с заметными границами между ними; эти эпизоды можно назвать «Мишка в лесу», «Мишка в зоопарке», «Мишка в цирке», и финал — что-то вроде «Мишка в поисках смысла жизни», иными словами, «Мишка и мед». Все музыкальные эпизоды, даже «Медведь в клетке», светлы и радостны по колориту: Борис Гецелев рассказывает детям только веселые сказки!

Фантазия Б. Гецелова щедра на чисто изобразительные приемы. Здесь сказывается опыт и мастерство хорового письма Б. Гецелова: многолетнее сотрудничество с Горьковской хоровой капеллой мальчиков не прошло даром.

Трудно сказать, что увлекательнее — слушать хоровые сочинения композитора или исполнять их. Мальчики из капеллы, а это настоящие профессионалы, с огромным классическим и современным репертуаром, с отличной техникой быстрого выучивания сложных сочинений, с богатым концертным опытом, поют Б. Гецелова с таким откровенным удовольствием, так заразительно и «вкусно», что юным слушателям в зале остается только по-хорошему завидовать им. Иначе и быть не может: детская музыка Гецелова принадлежит не эстрадной, а концертной сфере. Она не предназначена для того, чтобы мгновенно запоминать ее и распевать всюду, как детские эстрадные песенки из превосходной музыки А. Рыбникова к телефильмам про Буратино и Красную шапочку, или необязательно популярными мелодиями «Бременских музыкантов» Г. Гладкова. Это совсем другая музыка. И исполнять, и слушать ее не так уж легко, сделана она именно для высокопрофессионального хорового коллектива и для тех слушателей, которые приходят в концертный зал так же, как мы, взрослые, приходим слушать симфонический концерт, а не эстраду.

В одном из своих недавних выступлений А. Барто говорила о творчестве для детей, создаваемом «на вырост», то есть о таком творчестве, которое способно расти вместе с читателем, принося ему что-то новое и тогда, когда он становится подростком, юношей, взрослым человеком. В каком-то смысле музыку Гецелова тоже можно назвать «музыкой на вырост». Если ребенок и не запомнит музыкальную сказку Гецелова так, как напоминает он наизусть простые детские стихи (повторяю, эта музыка трудновата для такого «присвоения»), то запомнит он другое. Он непременно запомнит свое ощущение на концерте: ощущение новой для него, но очень привлекательной творческой работы. Такие впечатления сохраняются надолго, и человек, ставший взрослым, охотно возвращается к ним. Сознать это — что может быть нужнее и ценнее композитору, пишущему для детей?..

Л. КРЫЛОВА.

ВЕСЕЛЫЕ СКАЗКИ БОРИСА ГЕЦЕЛЕВА

дожника. Представьте себе большой лист бумаги, на котором красуются следы детских, неумелых, неловких опытов обращения с акварелью. Расплывчатые, причудливые пятна, немыслимые цветовые сочетания, и все вместе сияет какой-то нечаянной и потому такой естественной, солнечной радостью. Так создается настроение. И уже пребывая в плену этой простодушной радости, начинаешь с удовольствием, подробно, вникая в каждый штрих, вглядываться в изображение. А изображение совсем не детской руины, оно контурно четко, безошибочно в прелестных шуточных тонкостях, оно выполнено мастером, головой отвечающим за каждую интонацию блистающего рисунка.

Целостный результат изящен, даже изыскан: подражание детской акварельной «мазне» входит в рисунок, восхищающий своей легкостью, «полетной» точностью. Детское и взрослое вместе...

Описание работы Спартака Калачева в «Глупой лошади» потребовалось мне не случайно: стихи и рисунки этой книжки послужили основой одного из наиболее интересных сочинений, написанных для детей композитором Борисом Гецелевым.

Горьковчанин Борис Гецелев пишет детскую музыку уже почти двадцать лет: первая работа в этой области (шесть миниатюр для фортепиано) датирована 1959 годом. С тех пор композитор не прекращает работать в сфере музыки для детей, осваиваются новые и новые жанры. Три сонатины и программные пьесы для фортепиано; песни, шуточные и серьезные; музыка к телевизионным постановкам; «Три детских стихотворения» Р. Десноса (для голоса и фортепиано), цикл песен для дошкольников «Поем и играем» на слова С. Маршак; музыка к спектаклям Горьковского ТЮЗа — «Разноцветные страницы», «Золушка», «Бемби» и театра кукол — «Дикие лебеди». Наконец, сочинения для детского хора — «Английские песенки», маленькая кантата «Про медведей»...

Пожалуй, хоровые сочинения — наиболее «гецелевские», в них щедро и подробно представлен мир его детской музыки, светлый и хрупкий, забавный и эксцентричный, мир шуточной и мудрой сказки.

«Английские песенки» на слова В. Левина — одиннадцать картинок-сказок. Стихотворения, взятые за основу, с сюрпризом, с загадкой, совсем не требующей разгадки. Строка одной из песенок — «А что в сундуке, до сих пор неизвестно» — могла бы послужить шутивным заголовком этого прелестного собрания стихов. Почему? Да потому, наверно, что герои стихов-песенок — чудачки. Те самые чудачки, которые деловито, серьезно, с необъяснимым упорством поднимают на крышу тяжелые морские бинокли, чтобы... колотить ими орехи («Ночная история»), которые берегут новые кашоши для солнечной погоды («Глупая лошадь»), которые на вежливое приглашение в гости обещают вернуться... через час, повергая хозяев в комический ужас («Мистер Сноу»). И так далее. Как правило, «развязка» заключена в последней строке, и это действует всякий раз безотказно. Аналогичный прием знаком нам,

в «Английских песенках». Послушаем три песенки сборника.

«Ночная история» представляет собой — если использовать очень уместные здесь театрально-жанровые ассоциации — пантомиму в «театре теней». Весь словесный текст номера (за исключением концовки — разгадки) проговаривается хором шопотом, музыкальный же материал отдан «оформлению сцены». Угловатая, четкая линия силуэта вызывает представления о фантастическом движении теней на фоне занавеса, распятого темными, причудливыми мазками кисти, — шаткие декорации скрипят, что-то стонет и «ухает» там, за занавесом, и картина получается жутковатая и необычайно выразительная.

«Миссис легла у застрехи, мистер сел на карниз», — и вдруг зажигается свет, и все видят не загадочные тени, а двух милых старичков, миссис и мистера Бокли, она — в чепце и капоте, он — в старомодном цилиндре, очень довольных тем, что их ночное предприятие с орехами так замечательно удалось! Чистое, наивно-веселое двухголосие (текст впервые поется) безмятежно завершает страшную «Ночную историю»...

«Мистер Сноу» (продолжим параллели с театром) — «спектакль марионеток», с их особой, пунктирной грацией движений. Легкие, острые созвучия-поклоны реплик, в которых за внешней любезностью приглашенная («Мистер Сноу, вы придете в гости снова?») угадывается забавно-лицемерная «деликатность в передней». Текст стихотворения «расписан по ролям»: с комически роковой готовностью звучит ответ мистера Сноу («Через час, даю вам слово»), на который семейство хозяев дома реагирует недоуменной обреченностью...

«Очень вежливый разговор». Это уже самая настоящая «драма в трех действиях с прологом и эпилогом», с развитым действием и раскрытием характеров, а главное — в чудных декорациях. Им опять, как и в «Ночной истории», отведено очень важное место. Но если там это была экспрессивная «живопись в мрачных тонах», то здесь — изящный, высветленный акварельной подкраской точный и легкий рисунок-стилизация: пастораль с аккурратно выписанными завитками, с галантным изгибом мелодичной линии, с ясной, прозрачной светотенью в теплом колорите. Это фон. А персонажи, «два очень вежливых англичанина», ведут взволнованный диалог в первых двух «актах драмы» и переходят на «резкости» в финале. А завершает «спектакль» изысканная музыка «декораций», однако теперь с текстом, содержащим «мораль сей басни»: «И вежливо, вежливо два англичанина друг друга до ночи лупили отчаянно». Снова концовка-сюрприз, на этот раз особого, синтезирующего свойства: совмещение текста действия с музыкой-акварелью, на протяжении всей пьесы не только разделен-